

ПУШКИН И СЕМЕЙСТВО КАРАМЗИНЫХ

1

Русская дворянская культура, развившаяся на почве крепостного труда, дала в первой половине XIX века немало семейств, сыгравших более или менее значительную роль в общественно-литературной жизни своего времени. Таковы семейства Муравьевых и Муравьевых-Апостол, Тургеневых, Раевских, Елагиных и Киреевских, Аксаковых, Бакуниных и другие. Среди них заметное и своеобразное место занимает семья Карамзиных — один из центров петербургской культурной жизни в течение многих десятилетий.

Сложился этот центр еще при жизни Николая Михайловича Карамзина, который сам по себе более тридцати лет, с 90-х годов XVIII века почти до дня смерти, был одной из центральных фигур в русской литературе, исторической науке и общественной жизни. Карамзин умер в 1826 году, в переломный момент — момент жестокой ликвидации движения декабристов. Но созданные им и вокруг него крепкие морально-общественные традиции продолжали жить в его семье и в наступивший новый период — период николаевской реакции и формирования новых общественных сил и нового мировоззрения. Традиции эти покоились на консервативной, дворянско-монархической и ортодоксально-религиозной идеологии — и тем не менее их нельзя назвать реакционными, так много в них моральной высоты, духа независимости, благожелательности к новому и способности понять его. Имя Карамзина в 10-х годах возглавляло новаторское литературное движение молодых дворянских писателей — арзамасцев. Позднее его историко-политические концепции, высказанные в «Истории государства Российского», вызвали резкую критику со стороны идеологов декабризма; но личный авторитет имени Карамзина оставался незабываемым не только среди его друзей и последователей, подобных Вязем-

скому, Александру Тургеневу, Жуковскому, но и для тех, кто, как Пушкин, многое и основное в его воззрениях отвергал и чувствовал его себе «чуждым».

Авторитет имени Карамзина сыграл немалую роль в сохранении после его смерти собиравшегося вокруг него литературно-общественного кружка. Но расширение и укрепление этого кружка, образование из него «карамзинского салона» было делом вдовы историографа Екатерины Андреевны и его старшей дочери Софьи Николаевны. В конце 20-х и в 30-х годах именно они давали тон и направление собиравшемуся у них обществу, заботливо сохраняли старых и близких друзей и привлекали новых. В числе ближайших и относительно старых друзей был и Пушкин.

Вопрос об отношениях Пушкина к Н. М. Карамзину как к писателю, историку, общественному деятелю, идеологу не может в полном объеме входить в нашу задачу. Это — особая тема, не совпадающая с той, которая нас занимает ближайшим образом: нам важно представить себе взаимоотношения Пушкина с семейством историографа, сложившиеся уже после смерти последнего; понимание их необходимо для истолкования пушкинского материала в семейной переписке Карамзиных 1836—1837 годов. Но нужно иметь в виду, что образ главы семейства и через много лет после его смерти стоит над домом Карамзинных как некий символ, как воплощение связанных с ним традиций; поэтому необходимо напомнить основные моменты как в личных взаимоотношениях между Пушкиным и Карамзиным, так и во взглядах Пушкина на историографа после его смерти; без этого трудно будет понять некоторые черты публикуемых документов, относящихся к последним месяцам жизни поэта.

Знакомство Пушкина с Н. М. Карамзиным произошло в Царскосельском Лицее, 25 марта 1816 года (можно не считать ранних московских впечатлений детства Пушкина, едва ли значительных). В этот день историограф, вместе с Жуковским, А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским, В. Л. и С. Л. Пушкиными посетил Лицей.¹ Одним из мотивов посещения было, несомненно, желание друзей познакомить Карамзина с молодым, но уже прославленным и многообещающим лицейским поэтом. Пребывание семейства Карамзиных летом 1816 года в Царском Селе, где они прожили четыре месяца, с 24 мая по 20 сентября, в «Китайских домиках» дворцового парка, вызвало знакомство Пушкина с женой Карамзина Екатериной Андреевной. Пушкин, по

¹ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. Изд. Академии наук СССР, М., 1951, стр. 94 (далее сокращенно: Летопись).

словам одного из его товарищей, проводил у Карамзиных «свободное время свое во всё лето».² С этого времени берут свое начало долгие и серьезные беседы молодого поэта с пятидесятилетним историографом, их споры и обмен мнений, живо отразившиеся в воспоминаниях Пушкина, написанных под впечатлением смерти Карамзина летом 1826 года.³

«Он удостоивал меня своего внимания и часто оспаривал мои мнения», — писал Пушкин о Карамзине в 1830 году.⁴ С другой стороны, сам поэт «оспаривал» историографа, когда тот начинал при нем «излагать свои любимые парадоксы»,⁵ т. е. защищать необходимость и благотельность для России самодержавия. Глубокие расхождения во взглядах на современность и на русский исторический процесс, критика Пушкиным историко-политических концепций «Истории государства Российского» вызвали даже временное «отстранение» от себя Карамзиным Пушкина, и холодность в их отношениях с тех пор, очевидно, не исчезала. «Карамзин под конец был мне чужд», — признавался поэт в 1831 году.⁶ Но это идейное отчуждение не умалало в глазах Пушкина личного авторитета Карамзина как человека и гражданина. «„История государства Российского“ есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека», — писал он в 1826 году.⁷ «Один из великих наших сограждан», — так метафорически обозначил Пушкин Карамзина, не называя его, в полемической статье 1830 года.⁸ Карамзину — не без некоторых колебаний и под влиянием уговоров его дочерей — он посвятил «Бориса Годунова». «Я хотел ее (трагедию, — *Н. И.*) посвятить Жуковскому, — писал он об этом П. А. Плетневу,⁹ — со следующими словами: я хотел было по-

² Лицейские письма А. М. Горчакова 1814—1818 гг. «Красный архив», 1936, т. 6, стр. 194, № 24.

³ Пушкин, Полн. собр. соч., т. XII, Изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 305—307 (далее это издание — тт. I—XVI, 1937—1949 — обозначается сокращенно: Акад.); частично эти воспоминания вошли в «Отрывки из писем, мысли и замечания», напечатанные в «Северных цветах» на 1828 год (Акад., т. XI, стр. 57).

⁴ Акад., т. XI, стр. 167, в статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений».

⁵ Акад., т. XII, стр. 306, в автобиографических записках, писавшихся в 1826 году.

⁶ Акад., т. XIV, стр. 147, в письме к П. А. Плетневу от 21 января 1831 года.

⁷ Акад., т. XII, стр. 306; вошло в записку «О народном воспитании» (1826; Акад., т. XI, стр. 47) и позднее — в «Отрывки из писем, мысли и замечания», напечатанные в «Северных цветах» на 1828 год.

⁸ Акад., т. XI, стр. 167.

⁹ Акад., т. XIV, стр. 118, письмо из Болдина около 29 октября 1830 года.

святить мою трагедию Карамзину, но так как нет уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина¹⁰ сказали мне, чтоб я посвятил любимый труд памяти отца. Итак, если еще можно, то напечатай на заглавном листе...» — и далее следует то посвящение трагедии «драгоценной для россиян памяти» историографа, которое породило так много недоумений и оказало влияние на односторонность толкования Белинским «Бориса Годунова» как переложения «Истории» Карамзина в драматическую форму и как художественного воплощения карамзинской концепции.

В 1836 году — в те месяцы, к которым относятся публикуемые нами письма, — имя историографа не раз встречается на страницах пушкинского «Современника» и в статьях, предназначенных для него: о Карамзине пишет Пушкин в статье, посвященной Российской Академии;¹¹ он поминает его, полемизируя с реакционными утверждениями М. Е. Лобанова;¹² он хочет — но безуспешно — поместить в своем журнале хотя бы отрывок из записки Карамзина «О древней и новой России».¹³ Наконец, статью о Радищеве, предназначенную для «Современника» и запрещенную цензурой, Пушкин снабдил многозначительным эпиграфом: «Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu. Слова Карамзина в 1819 году».¹⁴ Источник этого эпиграфа ни в сочинениях Карамзина, ни в мемуарной или эпистолярной литературе до сих пор не обнаружен; всего вероятнее, он восходит к устной традиции, возможно — к тем разговорам, которые вел сам Пушкин с историографом. Неясен и смысл эпиграфа. Но дата — 1819 год, определяющая «слова Карамзина», имеет, несомненно, существенное значение и должна была подсказывать читателю-современнику определенные ассоциации. В таком случае неизбежно вспоминается одно крупное политическое событие того времени — убийство студентом Карлом Зандом немецкого реакционного писателя и тайного агента Священного союза Августа Коцебу, происшедшее в Мангейме 23 марта (н. ст.)

¹⁰ Софья Николаевна и Екатерина Николаевна (Мещерская); см. о них ниже.

¹¹ Акад., т. XII, стр. 41—42, 45.

¹² Возражая на замечание Лобанова о том, что в настоящее время «имя Карамзина... предано глумлению» (Акад., т. XII, стр. 71) — что было равносильно политическому доносу на литературу, Пушкин утверждал: «Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему дани уважения глубокого и благодарности» (там же, стр. 72).

¹³ Там же, стр. 185.

¹⁴ Там же, стр. 30. Перевод: «Не следует, чтобы честный человек заслуживал повешения».

1819 года, а также последовавший суд над Зандом и смертный приговор, приведенный в исполнение 8 (20) мая 1820 года.¹⁵ Политический убийца признавался, таким образом, Карамзиным «честным человеком». И эта-то мысль историографа вспоминалась Пушкину в 1836 году!¹⁶

Так, в последние месяцы жизни Пушкина оживают для него личность и деятельность Карамзина. Для его вдовы и дочерей это обращение издателя «Современника» к почитаемому ими главе семьи и знаменитому писателю было еще одной очень существенной нитью, связывавшей с ними поэта. Как бы далеко в прошлое ни ушел умерший за десятилетие до того историк, его дух был жив для семьи и особенно для его вдовы, Екатерины Андреевны. Вот это и заставило нас остановиться подробнее на взаимоотношениях Пушкина с Н. М. Карамзиным. Теперь мы можем обратиться к самой Екатерине Андреевне — женщине, замечательной во всех отношениях: она занимает центральное место в своей семье, в салоне, в публикуемых письмах; ей принадлежит и известное значение в истории жизни и гибели Пушкина.

2

Екатерина Андреевна была второй женой историографа. Первым браком он был недолго женат на Елизавете Ивановне Протасовой (1767—1802), которая была сестрой Андрея Ивановича Протасова, мужа Екатерины Афанасьевны Буиной; по-

¹⁵ Это предположение приведено, со ссылкой на наше сообщение, Б. П. Городецким в статье «„Путешествие из Москвы в Петербург“ А. С. Пушкина» (Пушкин. Исследования и материалы, т. III, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1960, стр. 230).

¹⁶ В письме к И. И. Дмитриеву от 31 марта 1819 года Карамзин писал: «Коцебу зарезан в Мангейме студентом за его немодный образ мыслей. Что-то будет с Стурдзою?» Известно, что русский реакционер А. С. Стурдза (1791—1854), писатель по религиозным вопросам, играл ту же роль, что и Коцебу, в качестве агента Священного союза, был врагом просвещения и автором записки, представленной участникам Ахенского конгресса (1818), о вреде немецких университетов, в которых он видел рассадники революционных идей (см.: А. Че бы ш е в. Драма в Мангейме (К биографии Коцебу). «Голос минувшего», 1913, № 2, стр. 40—81). Потому-то Карамзин имел основание объединять их имена и предвидеть возможность для Стурдзы такого же конца, каким была смерть Коцебу (см.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, СПб., 1866, стр. 258, 259, 0120, 0121). Те же имена объединяются и Пушкиным в эпиграмме на Стурдзу («Холоп венчанного солдата», 1819), где Стурдза объявляется достойным «лавров Герострата Иль смерти немца Коцебу». Совпадение в мыслях между Пушкиным и Карамзиным здесь едва ли случайно и, во всяком случае, знаменательно. Занд и его кинжал упоминаются еще в одной приписываемой Пушкину эпиграмме на Аракчеева («В столице он — капрал», 1819) и в стихотворении Пушкина «Кинжал» (1821).

следняя же являлась сводной сестрой В. А. Жуковского и матерью Марии Андреевны (впоследствии Мойер) и Александры Андреевны (впоследствии Воейковой), сыгравших, каждая, свою значительную роль в жизни и творчестве Жуковского. Рождение дочери Софьи повредило здоровью ее матери, Е. И. Карамзиной, умершей в апреле 1802 года, а 8 января 1804 года Карамзин женился вновь на девушке из давно ему близкой семьи Вяземских, Екатерине Андреевне Колывановой.¹⁷ Она была «незаконной», т. е. внебрачной дочерью князя Андрея Ивановича Вяземского, тогда еще неженатого, и Елизаветы Карловны Сиверс, разошедшейся, но неразведенной жены известного деятеля екатерининского времени Якова Ефимовича Сиверса. Фамилия Колывановой была дана Екатерине Андреевне по месту ее рождения — в Ревеле, старинной Колывани, где служил ее отец А. И. Вяземский. Е. А. Колыванова стала через 12 лет сводной сестрой «законного» сына своего отца — Петра Андреевича Вяземского. К своей старшей сестре Вяземский относился всегда не только с любовью, но и с огромным уважением, которое впрочем она умела внушить всем, кто с нею встречался.

По свидетельству — правда, позднейшему — одного мемуариста, Е. А. Карамзина «была в молодости необыкновенно красива».¹⁸ «Красавицей» называет ее, со слов Д. Н. Блудова, и П. И. Бартенев, имея в виду 1816—1817 годы.¹⁹ «Если бы, — писал о ней Ф. Ф. Вигель — человек, вообще не склонный отзываться с похвалой о ком бы то ни было, — в голове язычника Фидиаса могла блеснуть христианская мысль и он захотел бы изваять Мадонну, то, конечно, дал бы ей черты Карамзиной в молодости», т. е. сочетание красоты и величественности, как говорит далее тот же мемуарист, применяя к Екатерине Андреевне слова Керубино о графине Альмавива в комедии Бомарше.²⁰ Помещенный в нашем издании портрет ее, работы неизвестного художника, относящийся, судя по внешности и по одежде, к 30-м годам, т. е. как раз современный публикуемым ее письмам, дает мало представления о том, чем она была в молодые годы, но хорошо передает основные черты ее характера — доброту, соединенную с твердостью и с живым умом, а также

¹⁷ Родилась 16 ноября 1780 года.

¹⁸ А. В. Старчевский. Воспоминания старого литератора. «Исторический вестник», 1888, № 10, стр. 126; свидетельство относится к 1846 году.

¹⁹ «Русский архив», 1897, кн. II, № 7, стр. 493.

²⁰ Ф. Ф. Вигель. Записки. Редакция и вступительная статья С. Я. Штрайха, т. II, изд. «Круг», М., 1928, стр. 33. См. «Женитьбу Фигаро», акт I, сцену VII: «Ahl... qu'elle est noble et belle! mais qu'elle est imposante!» («Ahl... как она благородна и прекрасна! но и как она величественна!»).

сходство ее с братом П. А. Вяземским. Как бы то ни было, большая внешняя и в особенности внутренняя привлекательность ее несомненна.

Познакомившись с Екатериной Андреевной летом 1816 года, молодой Пушкин вскоре испытал к ней — женщине, почти на двадцать лет старше его и матери большого семейства — чувство влюбленности, пусть и недолгое, но оставившее след на всю его жизнь. «Предмет его первой и благородной привязанности», — так называет Карамзину одна из их общих знакомых, рассказывая о последних минутах поэта.²¹ По-видимому, под именем «Катерины II» значится Е. А. Карамзина в так называемом «Дон-Жуанском списке», записанном Пушкиным в альбоме Е. Н. Ушаковой.²²

Характер этой привязанности трудно определить по недостатку прямых и достоверных данных. Анекдотический рассказ о том, как Пушкин послал по ошибке Е. А. Карамзиной любовную записку, предназначенную другой женщине, и как, отчитанный за это Н. М. Карамзиным, плакал так горько, что потом историограф показывал в своем царскоесельском кабинете «место... облитое слезами Пушкина», — этот рассказ дважды был напечатан П. И. Бартеневым.²³ Но в другой раз тот же Бартенев, со слов Н. А. Елагина (а он — по рассказу Е. А. Протасовой, свойственницы Карамзина по его первой жене), записал, что «Пушкину вдруг вздумалось приволокнуться за женой Карамзина. Он даже написал ей любовную записку. Екатерина Андреевна, разумеется, показала ее мужу. Оба расхохотались и, призвавши Пушкина, стали делать ему серьезные наставления».²⁴ Едва ли, однако, чувство Пушкина было так мальчишески-легкомысленно, как изображает Бартенев и как рассказывал ему Елагин. Нужно больше верить определению Р. С. Эдлинг — «его первая и благородная привязанность»: не «приволакивание», но возвышенное и поэтическое чувство. О том, что Е. А. Карамзина была «первой любовью Пушкина», говорит и

²¹ Графиня Р. С. Эдлинг в письме к поэту В. Г. Теплякову из Одессы 17 марта 1837 года. «Русская старина», 1896, № 8, стр. 417.

²² См. публикацию в сборнике «Рукою Пушкина», изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 629, и комментарий Т. Г. Зенгер-Цявловской — стр. 631; «Катерина I», предшествующая «Катерине II», — сестра лицейского товарища Пушкина, Е. П. Бакунина.

²³ «Русский архив», 1897, кн. II, № 7, стр. 493; 1907, кн. I, № 1, передняя обложка.

²⁴ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. Вступительная статья и примечания М. Цявловского. Л., 1925, стр. 53, и комментарий — стр. 129. — Более полные библиографические данные об этом эпизоде собраны М. А. Цявловским в «Летописи», т. I, стр. 120.

А. П. Керн, которая могла это знать от самого поэта или от Дельвига.²⁵

К этим немногим и противоречивым данным сводится все, что мы знаем об этой ранней влюбленности Пушкина. В его творчестве она не оставила следов, сколько-нибудь вероятных. В недавнее время, однако, на этих скудных данных исследователь и писатель-художник Ю. Н. Тынянов сделал попытку построить версию о том, что именно Екатерина Андреевна Карамзина была предметом вызывавшей столько споров «безыменной» или «утаенной» любви Пушкина;²⁶ именно она внушила ему, по мнению Тынянова, ряд поэтических произведений — и элегию 1816 года «Счастлив, кто в страсти сам себе», и «Погасло дневное светило», и «Бахчисарайский фонтан», выросший будто бы из ее рассказа, и «На холмах Грузии...», и даже «Посвящение» к «Полтаве». Доказать всё это невозможно, и Тынянов не столько доказывал, сколько декларировал с полной убежденностью свою гипотезу... Она, однако, не была признана ни одним из биографов Пушкина. Несомненным остается лишь то, что поэт, в молодости испытавший недолгое, но сильное и «благородное» увлечение Екатериной Андреевной, до конца своей жизни питал к ней совсем особое, более чем сыновнее, почтительное и нежное чувство.

Есть основания думать, что жена Карамзина сыграла немалую, быть может, побудительную и главную роль в заступничестве ее мужа за Пушкина перед Александром I в тревожные апрельские дни 1820 года. В дальнейшем — в годы ссылки Пушкина — имя Екатерины Андреевны нередко мелькает в его письмах к друзьям, всегда с сочувственной заинтересованностью.²⁷

²⁵ «Русская старина», 1870, т. I, март, стр. 264.

²⁶ Ю. Тынянов. Безыменная любовь. «Литературный современник». 1939, № 5—6, стр. 243—262. Статья была написана в процессе работы автора над романом «Пушкин», в котором, по-видимому, Е. А. Карамзина должна была занимать соответствующее место. На этой, ныне никем не разделяемой версии можно было бы не останавливаться; но недавно В. Каверин в статье о новом трехтомном издании сочинений Юрия Тынянова («Литературная газета», 1959, 13 августа, № 100) вновь воскресил ее как несомненную и вполне доказанную ее автором.

²⁷ Вот несколько упоминаний о семье Карамзиных в письмах годов ссылки: «Что делает Николай Михайлович? здоровы ли он, жена и дети? Это почтенное семейство ужасно недостает моему сердцу» (Н. И. Гнедичу, 24 марта 1821 года); «Введи меня в семейство Карамзина, скажи им, что я для них тот же. Обними из них кого можно; прочим — всю мою душу» (В. А. Жуковскому, конец октября 1824 года); «Ты увидишь Карамзиных — тебя да их люблю страстно. Скажи им от меня что хочешь» (ему же, 29 ноября 1824 года); «Что Карамзины? я бы к ним писал, но боюсь приличия — а всё люблю их от всего сердца» (П. А. Вязем-

Встретились они, однако, не скоро — даже не сразу после окончания ссылки поэта, а лишь в конце мая 1827 года, когда он приехал из Москвы в Петербург. В дневнике К. С. Сербиновича между 6 и 19 июня 1827 года есть несколько записей о встречах его с Пушкиным у Карамзиных, — очевидно, поэт в эти краткие дни первого после ссылки пребывания в Петербурге бывал здесь почти ежедневно, вплоть до отъезда семьи историографа на лето в Ревель.²⁸ 13 декабря 1827 года Екатерина Андреевна писала старому другу И. И. Дмитриеву: «Мы, по обыкновению, мало выезжаем; дома видим несколько приятелей, оставшихся верными воспоминаниям прошедшего, Жуковского, Дашкова, Пушкина и пр.; последний ежедневно у нас: так не повесничает».²⁹

В это именно время Пушкин записал в альбомы двух дочерей Карамзина два стихотворения, замечательные — каждое в своем роде — глубоким лиризмом и очень скрытым, но понятным для читательниц смыслом.

Первое из них — «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» — записано в ее альбом в день ее именин 24 ноября, очевидно, 1827 года, а набросано черне 31 июля того же года в Михайловском.³⁰ «Акафист», несмотря на чуть-чуть ироническую форму — от его заглавия, пародирующего церковные песнопения, до определения «сияющей так мило», не вяжущегося с церковнославянской формой «очес», — имеет очень значительное содержание; это, как уже отмечалось в печати, своеобразная псевдохристианская реплика на мифологическую тему «Ариона», но смысл обоих один и тот же: чудесное спасение от «бури», пронесшейся над поэтом и едва не погубившей его.

Второе стихотворение вписано Пушкиным в альбом старшей дочери Карамзина (от первого брака) Софьи Николаевны. Это — одно из самых глубоких и горестных признаний пушкинской лирики конца 20-х годов:

скому, 10 августа 1825 года) и др.; см.: Акад., т. XIII, стр. 28, 113, 124, 204, а также стр. 29, 80, 103, 130, 280, 286, не выписанные нами.

²⁸ Выдержки из дневника К. С. Сербиновича, касающиеся Пушкина, опубликованы В. С. Нечаевой в «Литературном наследстве», т. 58, 1952; записи, о которых идет речь, — на стр. 255—256.

²⁹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 430, с ошибочной датой «1828», исправляемой тем, что 13 декабря 1828 года Пушкин находился в Москве, приехав туда 6 декабря из Малинников. В подлиннике (ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 144, л. 95) письмо так и датировано: «С. Петербург. 13 декабря 1827».

³⁰ Публикации П. Е. Щеголева — «Пушкин и его современники», вып. XV, 1911, стр. 31 (черновой), и Б. Л. Модзалевского — там же, вып. XXVIII, 1917, стр. 2 (беловой); см. также: Б. Модзалевский. Из альбомной старинны. «Русский библиофил», 1916, № 6, стр. 76; Рукою Пушкина, стр. 645—646.

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа...

Характерно, что и этой записи придана ироническая внешность: последний стих в ней оборван и, после шутливого обращения к самой Софье Николаевне: «achevez le vers comme il vous plaîga» («закончите стих, как вам будет угодно»), на другой странице дано его окончание со словами: «le voilà» («вот он»). Этот шутливый диалог прикрывает глубокое и очень серьезное значение всего стихотворения. Время записи не указано (дата, кажется, выскоблена), но, вероятно, недалеко от даты записи «Акафиста», тем более, что не дошедший до нас другой автограф «В степи мирской...» был датирован «18 июня 1827», т. е. относился ко времени очень частых общений Пушкина с семейством Карамзиных.³¹

Итак, с конца мая 1827 года начинается постоянное общение Пушкина с семейством Карамзиных, продолжавшееся почти десять лет, до последних минут жизни поэта.

Семейство историкографа, после его смерти, возглавляла его вдова Екатерина Андреевна.

Она представляет собою, бесспорно, одну из самых выдающихся женщин петербургского общества 20—30-х годов. При жизни мужа она участвовала в его работе и помогала ему править корректуры его «Истории». После его смерти она с помощью Д. Н. Блудова и К. С. Сербиновича издала, в начале 1829 года, последний, неоконченный, двенадцатый том этого труда. В то же время она твердой и разумной рукой умела направлять воспитание подрастающих детей и поддерживать светские, литературные и придворные отношения, унаследованные от мужа, но укрепленные и расширенные ею самой. Всё, что мы знаем о ней, показывает, что она была хорошо образована, живо интересовалась вопросами литературы, истории, европейской политики. Она преклонялась перед памятью Николая Михайловича и тщательно сохраняла завещанные им традиционные воззрения: строгую, но не ханжескую религиозность; монархизм, не допускающий ни критики, ни сомнений в «божественном» принципе

³¹ См.: Акад., т. III, стр. 592, 1143; Пушкин и его современники, вып. XXVIII, стр. 3—4; Рукою Пушкина, стр. 646—647. Б. Л. Модзалевский в уже указанной статье «Из альбомной старины» (стр. 66—83) дал описание всех трех альбомов Карамзиных — Софьи Николаевны, Екатерины Николаевны (Мещерской) и Владимира Николаевича, находившихся у дочери Е. Н. Мещерской гр. Е. П. Клейнмихель, с факсимиле записей Пушкина, Лермонтова, Е. П. Ростопчиной, В. Ф. Одоевского, М. И. Глинки, Ф. Листа, — и это описание, по счастью, сохранило нам содержание альбомов (вероятно, утраченных), интересное для характеристики их владельцев.

самодержавия, но не исключая известной независимости суждений и поведения; дворянскую патриархальность, уверенность в незыблемости и святости своих феодально-помещичьих прав, ярко выразившуюся в ее отношении к волнениям макалемовских крестьян. Долголетняя близость ко двору, обусловленная положением мужа — «государственного историографа», и постоянное общение с царской семьей и с придворно-гвардейскими кругами не подавили в ней сознания того, что в сущности не двор и не гвардия составляют ее подлинный круг, но литераторы и ученые, друзья ее мужа, бывшие арзамасцы, представители передовой дворянской интеллигенции. Современники сохранили нам ряд схожих отзывов о Екатерине Андреевне: «... женщина умная, характера твердого и всегда ровного, сердца доброго, хотя, по-видимому, с первой встречи, холодного», — вспоминал о ней А. И. Кошелев;³² «очень суровая с виду особа, с очень твердым характером, прямолинейным и откровенным, но вместе с тем <она> была необыкновенно нежною матерью», — так характеризует ее кн. А. В. Мещерский.³³ «Сердце, всегда готовое любить», под «холодной и строгой внешностью» ощущала она сама в себе,³⁴ и письма ее к сыну, сохранившиеся до нас, подтверждают правильность всех этих определений. Если внешность ее и была холодной и сдержанной, то под ней открывалась способность горячо и нежно любить окружающих — своих детей и своих друзей, с обостренной чуткостью отзываться на все их переживания, взволнованно делить с ними их радости и особенно их печали, страдать за них и их поддерживать. Письма ее к сыну Андрею могут показаться излишне чувствительными, дидактическими и экзальтированными. Но нужно помнить, читая их (как и письма ее падчерицы и дочерей), что в семействе Карамзиных больше, чем в других семьях из образованного дворянства, сохранились и чувствовались традиции сентиментализма, когда-то созданные и возглавленные их наставником, отцом и мужем. Эти традиции были прочно заложены в них и представлялись непререкаемыми.

То же чувство глубокой и сердечной заинтересованности, с каким Екатерина Андреевна относилась к детям, к самым близким людям, питала она и к Пушкину — и он отвечал ей тем же. В поворотный момент своей жизни, когда он стал женихом Натальи Гончаровой, поэт обращался мыслью к Карамзиной, ища ее участия и сочувствия, желая знать ее мнение.

³² А. И. Кошелев. Записки. Берлин, 1884, стр. 30.

³³ А. В. Мещерский. Воспоминания. «Русский архив», 1901, кн. I, № 1, стр. 101.

³⁴ Слова из письма Е. А. Карамзиной к Пушкину от 3 марта 1831 года (Акад., т. XIV, стр. 155—156; подлинник по-французски).

«Сказывал ты Катерине Андреевне о моей помолвке? — спрашивал он П. А. Вяземского, — я уверен в ее участии — но передай мне ее слова — они нужны моему сердцу, и теперь не совсем счастливому».³⁵ Мы не знаем, какие слова Карамзиной передал Пушкину Вяземский, но у нас есть другой документ, не меньшего значения: ее письмо к Пушкину по поводу его женитьбы.

Нужно очень пожалеть о том, что не сохранилось письмо Пушкина к Екатерине Андреевне, написанное тотчас после его свадьбы. Но из ответа ее, помеченного 3 марта 1831 года³⁶ (а свадьба была в Москве 18 февраля, и письмо из Москвы в Петербург шло около пяти дней), видно, что она одной из первых была оповещена Пушкиным: она и рада за него, видя в молодой жене залог новой жизни, «столь же радостной и спокойной, насколько до сих пор она была бурной и мрачной», и опасается, что молодая жена не сумеет сделать поэта счастливым, и ставит условием своего расположения к ней способность Натальи Николаевны создать счастье своего мужа. В этом письме так много подлинной любви к Пушкину, тонкого понимания его положения, тревоги за него и надежды на его светлое будущее, что его одного достаточно, чтобы понять совершенно особое, ни с каким другим, пожалуй, несравнимое отношение поэта к этой женщине.

Е. А. Карамзина скончалась на 71-м году жизни, 1 сентября 1851 года, в имении своей дочери кн. Е. Н. Мещерской деревне Мануилове Ямбургского уезда Петербургской губернии, и погребена в Александро-Невской лавре, рядом с Н. М. Карамзиным.

3

С конца 20-х годов и особенно в 30-х окончательно складывается тот круг друзей и постоянных посетителей гостиной Карамзиных, который можно назвать «карамзинским салоном».³⁷ Имена хотя бы нескольких наиболее выдающихся его участников дают представление о характере и значении ежевечерних собраний в доме Екатерины Андреевны. В годы, рассматриваемые

³⁵ Акад., т. XIV, стр. 88, письмо от 2 мая 1830 года.

³⁶ Акад., т. XIV, стр. 155—156.

³⁷ Мемуарные, эпистолярные и поэтические свидетельства современников о салоне Карамзиных собраны в изданиях: М. Аронсон и С. Рейсер. Литературные кружки и салоны. Редакция и предисловие Б. М. Эйхенбаума. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 162—170 (здесь, к сожалению, приведены выдержки и из поддельных «Записок» А. О. Смирновой, изданных в 1894—1897 годах); Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. Редакция, вступительная статья и примечания Н. Л. Бродского. Изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 213—220; см также примечания Б. Л. Модзалевского к «Дневнику Пушкина» (ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 31—35).

нами, т. е. в последнее десятилетие жизни Пушкина, это прежде всего сам Пушкин (с 1831 года — Пушкин с женой, с осени 1834 года — Пушкин и Гончаровы), далее — Жуковский, Вяземские и Валуевы, А. И. Тургенев, братья Виельгорские, А. О. Смирнова-Россет и ее братья, Д. Н. Блудов и его дочь, Д. В. Дашков, В. Ф. Одоевский, В. А. Соллогуб, А. С. Хомяков, В. П. Титов, гр. Е. П. Ростопчина, братья Мухановы и многие другие, литераторы и государственные деятели; наконец, представители придворной аристократии и гвардейские офицеры, светские дамы, дипломаты и пр. По словам одного из посетителей салона, А. И. Кошелева, «в доме Е. А. Карамзиной собирались литераторы и умные люди разных направлений... Вечера начинались в 10 и длились до 1 и 2 часов ночи; разговор редко умолкал... Эти вечера были единственные в Петербурге, где не играли в карты и где говорили по-русски».³⁸ Тот же мемуарист сообщает в другом месте: «В карамзинской гостиной предметом разговоров были не философские предметы, но и не петербургские пустые сплетни и рассказы. Литературы, русская и иностранные, важные события у нас и в Европе... составляли всего чаще содержание наших оживленных бесед. Эти вечера, продолжавшиеся до поздних часов ночи, освежали и питали наши души и умы, что, в тогдашней петербургской душевной атмосфере, было для нас особенно полезно. Хозяйка дома умела всегда направлять разговоры на предметы интересные».³⁹ Племянник Е. Н. Мещерской-Карамзиной А. В. Мещерский со своей стороны рассказывает: «Находясь в этой милой и гостеприимной семье, я сразу очутился в самой интеллигентной среде петербургского общества, в которой так свежа еще была память незабвенного Николая Михайловича и где по преданию собирались как прежние друзья покойного историографа, так и молодые поэты, литераторы и ученые нового поколения... Карамзины ежедневно принимали всех по вечерам, попросту, семейно, за чайным столом... Карамзинский дом был единственный в Петербурге, в гостиной которого собиралось общество не для светских пересудов и сплетен, а исключительно для беседы и обмена мыслями».⁴⁰ Входившая тогда в моду светская поэтесса гр. Е. П. Ростопчина посвятила «приюту тихому беседы просвещенной» — карамзинскому салону — прочувствованное стихотво-

³⁸ А. И. Кошелев. Записки, стр. 30; славянофильский характер, приобретенный салоном Карамзиных в 40-х годах, чувствуется уже и в то время (с начала 30-х годов), о котором пишет Кошелев, сам впоследствии видный славянофил.

³⁹ «Русский архив», 1879, кн. III, № 11, стр. 266.

⁴⁰ «Русский архив», 1901, кн. I, № 1, стр. 101; воспоминания относятся к началу 40-х годов.

рение под выразительным заглавием «Где мне хорошо» (1838).⁴¹ И можно, кажется, высказать предположение, что, делая наброски для строф, изображающих гостиницу Татьяны (по окончательному счету — строф XXIII—XXVI восьмой главы «Евгения Онегина»), Пушкин думал о гостинице Карамзинных, где он так часто проводил вечера. Наброски эти в большинстве не вошли в печатный текст и остались в черновых и беловых рукописях.⁴² В особенности напоминают карамзинский салон и его хозяйку, Екатерину Андреевну, такие строфы (обозначенные в беловой рукописи как XXVI и XXVII):

В гостинице истинно дворянской⁴³
 Чуждались щегольства речей⁴⁴
 И щекотливости мещанской
 Журнальных чопорных суждений.
 Хозяйкой светской и свободной⁴⁵
 Был принят слог простонародный
 И не пугал ее ушей⁴⁶
 Живою странностью своей. . .

Никто насмешкою холодной
 Встречать не думал старика
 Заметья воротник немодный
 Под бантом шейного платка.
 И новичка-провинциала
 Хозяйка спесью не смущала:
 Равно для всех она была
 Непринужденна и мила. . .⁴⁷

В окончательном (печатном) тексте черты сходства гостиницы Татьяны с карамзинским салоном ослаблены; всё же можно указать некоторые восходящие к беловой рукописи строки (строфа XXIII):

⁴¹ Стихотворения графини Е. Ростопчиной, СПб., 1841, стр. 121—123; здесь оно напечатано без имени Е. А. Карамзиной, но с подзаголовком: «To her, who best will understand it!» («Той, кто лучше всех поймет это!» — *англ.*), к которому дано пояснение: «Название, данное Байроном одной из его любимых элегий», и с датой: «Петербург. Март, 1838».

⁴² Акад., т. VI, стр. 626—630; ср. стр. 175—177, где, в окончательном тексте, характеристика салона Татьяны значительно изменилась и приобрела во многом сатирический характер, лишь слабо заметный в тексте рукописей.

⁴³ *Вариант*: Со всею вольностью дворянской.

⁴⁴ *Вариант*: Смеялись щегольству речей.

⁴⁵ *Вариант*: В гостинице светской и свободной.

⁴⁶ *Вариант*: И не пугал ничьих ушей.

- а. Для всех гостей она была
 Равно [проста] важна, равно мила
 б. Хозяйка важная была
 Со всеми холодно мила.

Эти варианты уже прямо напоминают некоторые приведенные выше отрывки о Е. А. Карамзиной.

Входят гости.

Вот крупной солью светской злости
Стал оживляться разговор;
Перед хозяйкой легкий вздор
Сверкал без глупого жеманства
И прерывал его меж тем
Разумный толк без пошлых тем,
Без вечных истин, без педантства,
И не пугал ничьих ушей
Свободной живостью своей.⁴⁸

«Истинно дворянская» гостиная, где был принят русский «простонародный» слог, — эти приметы салона Татьяны соответствуют и приметам салона Карамзиных. «Дворянский» его характер был очевиден: он зависел и от старых карамзинских традиций и связей в дворянском литературном кругу, и от положения семейства историографа в непосредственной близости ко двору, в самом верхнем слое придворной аристократии (хотя ни по происхождению, ни по чиновному положению Карамзины к этому слою не принадлежали). В гостиной, где умственный центр составляли представители так называемой «литературной аристократии» с Пушкиным и Вяземским во главе, а их окружение — светские дамы, вроде гр. Н. В. Строгановой, и блестящие гвардейские офицеры, — в этой гостиной не было места представителям низменной литературы и журналистики типа Булгарина, но, с другой стороны, в ней не бывали литераторы демократического направления. Характерен в этом смысле отзыв И. И. Панаева — литератора из дворянской среды, но смотревшего на салон Карамзиных с точки зрения «натуральной школы» и демократического круга Белинского: «Чтобы получить литературную известность в великосветском кругу, — иронически пишет он, — необходимо было попасть в салон г-жи Карамзиной — вдовы историографа. Там выдавались дипломы на литературные таланты. Это был уже настоящий великосветский литературный салон с строгим выбором, и Рекамье этого салона была С. Н. Карамзина, к которой все известные наши поэты считали долгом писать послания».⁴⁹

Не следует, однако, преувеличивать «великосветский» характер Карамзинского салона: в нем не было ни замкнутости, ни чопорности, которая отличала чисто дипломатические и санов-

⁴⁸ *Вариант двух последних стихов:*

И слова не было в речах
Ни о дожде, ни о чепцах.

(Акад., т. VI, стр. 626; Полн. собр. соч. в десяти томах, изд. 2-е, т. V, 1957, стр. 553).

⁴⁹ И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1950, стр. 88. Послания С. Н. Карамзиной писали Пушкин, Вяземский, Лермонтов, Баратынский, Хомяков и другие.

ные кружки, вроде гостиной гр. М. Д. Нессельроде, где собиралась вся «новая знать» — влиятельные враги Пушкина; не было и того раскола между «аристократами» и литераторами, от которого страдали вечера у В. Ф. Одоевского; ни того космополитического духа, который господствовал в салоне графини Д. Ф. Фикельмон. В устах Пушкина название «истинно дворянской» было похвалой, показывавшей преобладание в гостиной передовой и подлинной интеллигенции.

4

Второе место после Екатерины Андреевны в семье и в салоне Карамзиных занимала ее падчерица Софья Николаевна. Она, как было сказано, лишилась матери вскоре после рождения⁵⁰ и была воспитана Екатериной Андреевной как родная дочь; это видно и по ее письмам, где она всегда называет Е. А. Карамзину «Маман» («маменькой»). Но временами чувствуются между ними расхождения, вызванные, вероятно, несходством характеров и желанием Софьи Николаевны первенствовать в обществе, собиравшемся у них.

Софья Николаевна была, несомненно, умна и начитана, — то и другое, однако, не очень глубоко; была занимательна, интересна в беседе, часто и насмешлива; живо отзывалась на события светской, общественной и литературной жизни. В гостиной Карамзиных она славилась остроумием, умением разместить гостей и наладить беседу и носила шутовское прозвище «Самовар-паши», так как на обязанности ее было разливать гостям вечерний чай. О ее незаурядности свидетельствует дружба с ней М. Ю. Лермонтова, который был введен в дом Карамзиных, вероятно, Жуковским, вскоре после возвращения его в лейб-гусарский полк, в конце августа 1838 года.⁵¹ Лермонтов стал одним из постоянных посетителей карамзинского салона и особенно подружился с Софьей Николаевной, бывшей на 12 лет старше его.⁵² По преданию, сохраненному В. А. Соллогубом,

⁵⁰ Родилась 5 марта 1802 года.

⁵¹ Год знакомства Лермонтова с Карамзинными, считавшийся до сих пор 1839-м, определяется как 1838-й на основании одного из писем С. Н. Карамзиной к Е. Н. Мещерской, опубликованных недавно Ф. Ф. Майским (см. ниже). — Следует отметить, что еще летом и осенью 1836 года, когда Карамзины постоянно общались с офицерами лейб-гвардии Гусарского полка, имя Лермонтова вовсе не упоминается в письмах; сообщая брату стихотворение Лермонтова «Смерть поэта», С. Н. Карамзина называет его автора, как совершенно незнакомого человека — «некий господин Лермантов, гусарский офицер».

⁵² См. записи в дневнике А. И. Тургенева 1839—1840 годов, опубликованные Э. Г. Герштейн — «Литературное наследство», т. 45—46, 1948, стр. 399 и сл.; М. Ю. Лермонтов, Сочинения в шести томах, т. VI.

в доме Карамзиных было им написано, в конце апреля или в начале мая 1840 года, перед отъездом на Кавказ, одно из задушевнейших лирических стихотворений — «Тучи» («Тучки небесные, вечные странники!»);⁵³ во время пребывания в Петербурге с февраля по апрель 1841 года он вписал в альбом С. Н. Карамзиной (тот же самый, куда Пушкин вписал «Три ключа») стихотворение, которое можно назвать программным для этого времени как выражение отхода от юношеского романтизма:

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.

Оно заканчивается строфой, прямо обращенной к Софье Николаевне и ее окружению:

Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
Смирновой» штучку, фарсу Саши
И Ишки Мятлева» стихи...⁵⁴

Известно письмо бабушки поэта Е. А. Арсеньевой к С. Н. Карамзиной от 18 апреля 1841 года с просьбой похлопотать, через В. А. Жуковского, о «прощении» Лермонтова.⁵⁵ Наконец, одним из последних документов, оставленных Лермонтовым, является его письмо к Софье Николаевне, написанное за два месяца до смерти поэта, по дороге на Кавказ, в Ставрополе, 10 мая 1841 года; оно показывает, что между ними были простые и добрые отношения искренней дружбы — явление, редкое в жизни Лермонтова.⁵⁶

Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1957, стр. 833, 836, 847, 860, 862, 863 — в «Летописи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова», составленной В. А. Мануйловым; статью Ф. Ф. Майского «М. Ю. Лермонтов и Карамзины» в книге «Михаил Юрьевич Лермонтов. Сборник статей и материалов» (издание музея «Домик Лермонтова» в Пятигорске). Ставр. кн. изд., 1960, стр. 123—164. Здесь опубликованы в русских переводах отрывки из писем С. Н. Карамзиной к Е. Н. Мещерской за 1838—1839 годы, касающиеся Лермонтова.

⁵³ М. Ю. Лермонтов, Сочинения в шести томах, т. II, 1954, стр. 165, 351.

⁵⁴ Там же, стр. 188, 357 (с ошибкой в годе смерти С. Н. Карамзиной: 1865 вместо 1856). — Смирнова — Александра Осиповна, рожд. Росет (см. о ней ниже, в примечаниях к письмам); Саша — А. Н. Карамзин (см. о нем ниже); Ишка Мятлев — Иван Петрович Мятлев (см. о нем ниже, в примечаниях к письмам).

⁵⁵ «Литературное наследство», т. 45—46, стр. 656—659 (публикация Л. Б. Модзалевского).

⁵⁶ См.: «Литературное наследство», т. 19—21, 1935, стр. 514—515, — публикация А. Н. Михайловой; М. Ю. Лермонтов, Сочинения в шести томах, т. VI, стр. 460—461.

Вместе с тем нельзя не отметить, что едва ли не главным интересом С. Н. Карамзиной была светская жизнь с ее развлечениями и интригами, сложной сетью отношений, сплетнями и пересудами. Судить о других — вернее, осуждать их зло и насмешливо — Софья Николаевна была большая мастерица, и об этом знали и говорили в «свете», считая ее злоязычной и любопытной, что не без удовольствия отметила и она сама в одном из писем к брату.⁵⁷

Одним из занятий в светской жизни — и притом излюбленным Софьей Николаевной занятием — была верховая езда. Все друзья, и особенно гвардейские офицеры, знали ее как страстную, неутомимую и искусную наездницу. В ее письмах постоянно идет речь о лошадях и верховых поездках. П. А. Вяземский посвятил ей стихотворение «Прогулка в степи», обращенное к любимому коню и снабженное эпитафией, почерпнутым из Шекспировой трагедии «Ричард III»: «A horse! a horse! My Kingdom for a horse!»⁵⁸ Этот эпитафия вспомнился Пушкину, когда, в письме к Вяземскому, он спрашивал про С. Н. Карамзину, проводившую холерное лето 1831 года в Остафьеве: «Что Софья Николаевна? царствует на седле? A horse! a horse! My Kingdom for a horse!»⁵⁹ Верховые прогулки были для нее и любимым развлечением и хорошим средством для более непринужденных разговоров с окружавшей ее гвардейской молодежью, когда можно было свободно обмениваться светскими новостями, мнениями и сплетнями.

Эти свойства (иногда, как во время трагической истории Пушкина, мешавшие ей ясно видеть и правильно судить о вещах) были выращены в ней всем укладом жизни того общественного круга, в котором она вращалась, и еще усилены, вероятно, тем, что она не имела твердого положения замужней и семейной женщины: несмотря на широкие светские связи, она так и не вышла замуж и почти три десятилетия оставалась любящей сестрой и теткой, верной хранительницей карамзинских традиций, и на ней (вместе с Екатериной Андреевной) держалась целостность семьи. Трагическая смерть брата Андрея и волнующие события войны 1854—1855 годов губительно на нее подействовали, и она, заболев тяжелым нервным расстройством, умерла 4 июля 1856 года.

Сравнительно меньшую роль играла в карамзинском салоне вторая дочь Карамзина — старшая из дочерей Екатерины Ан-

⁵⁷ См. ниже, письмо № 38.

⁵⁸ Перевод: «Коня! коня! мое королевство за коня!» (англ.). — Стихотворение Вяземского было напечатано в «Литературной газете» (1831, 6 января, № 2, стр. 13).

⁵⁹ Акад., т. XIV, стр. 175, письмо от 11 июня 1831 года.

древны, Екатерина Николаевна. Она родилась 22 сентября 1806 года⁶⁰ и 27 апреля 1828 года стала женой отставного подполковника гвардии кн. Петра Ивановича Мещерского (1802—1876), женатого на ней вторым браком; по письмам и отзывам современников, это был добрый и мягкий человек, остроумный и веселый в обществе, ничем, однако, не замечательный, — прекрасный муж и отец, преданный и подчиненный своей жене, несравненно более сильной, чем он, по уму и характеру. Письма Екатерины Николаевны к брату Андрею не дают о ней полного представления: они слишком лиричны, в ущерб содержательности, однако же характерны своим явным следованием карамзинской традиции, экзальтированно-сентиментальным чувством к брату, выражаемым порою очень бурно, преклонением перед памятью отца и традициями семьи. Можно думать, что заботы семейной жизни, а также вынужденное материальными затруднениями ежегодное долгое пребывание в деревне отвлекали ее от литературных и общественных интересов. Но нельзя забывать, что для Пушкина, А. И. Тургенева, Вяземского эта умная и сердечная женщина была нередкой и ценной собеседницей, что она принимала взволнованное участие в предсмертной драме Пушкина и что ей принадлежит один из самых замечательных рассказов о дуэли и смерти поэта, — рассказ, дающий удивительно верную и глубокую оценку этим трагическим событиям.⁶¹

В 1834 году супруги Мещерские с маленьким сыном и с Софьей Николаевной Карамзиной отправились «в чужие края», и Пушкин, близко принимавший участие в жизни этой дружественной семьи, провожал их — в самый день своего рождения, 26 мая — на пароход. «Знаешь ты, — писал он жене, — что княгиня Мещерская и Sophie Karamzine едут за границу? Sophie уже плачет недели две, вероятно я доведу ее до Кронштадта».⁶² И через несколько дней он вновь спрашивал ее: «Писал я тебе, что Мещерские отправились в Италию и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя в жестокосер-

⁶⁰ Год ее рождения рядом биографов указывается как 1809-й, но это неверно, так как в дневнике ее за 1823—1826 годы под 22 сентября 1826 года записано: «Мне сегодня двадцать лет» («Старина и новизна», кн. XIII, СПб., 1909, стр. 25). Умерла она 10 ноября 1867 года.

⁶¹ Письмо без даты, опубликованное впервые Я. К. Гротом как письмо к неизвестной даме, в книге «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники» (СПб., 1887, стр. 286—290; то же, изд. 2-е, 1899, стр. 258—262). Опубликованная А. А. Фоминым (Пушкин и его современники, вып. VI, 1908, стр. 94—97) копия с этого письма, сделанная для А. И. Тургенева и дающая более полный текст, позволяет установить адресата — Марию Ив. Мещерскую, золовку Е. Н. Мещерской, и дату письма — 16 февраля 1837 года (в день отъезда из Петербурга Н. Н. Пушкиной и ее семьи).

⁶² Акад., т. XV, стр. 146, письмо от 12 мая 1834 года.

дии и раскаяваясь в том, что оставляет Катерину Андреевну одну? Я провожал их до пироскафа».⁶³ Путешествие это, продолжавшееся более года,⁶⁴ отразилось в многочисленных письмах обеих сестер к Екатерине Андреевне — письмах, очень характерно стремящихся продолжить стиль «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. Письма еще не изданы, хотя содержат ряд описаний и заметок о западноевропейской жизни (в Германии, Швейцарии, Италии), не лишенных интереса. Отзвуки этого путешествия, воспоминания о нем встречаются не раз в письмах С. Н. Карамзиной к брату, публикуемых ниже.⁶⁵

5

В середине 30-х годов семейно-светский круг Карамзиных пополнился двумя братьями — старшими (из оставшихся в живых) сыновьями Екатерины Андреевны: это — Андрей⁶⁶ и Александр⁶⁷ Николаевичи, представляющие, каждый в своем роде, характерные явления своего времени.

Получив образование сначала дома (некоторые из их учителей — например преподаватель истории француз Тибо и русский учитель Ф. С. Толмачев — упоминаются в публикуемых ниже письмах), братья одновременно, в 1832 году, поступили на юридический факультет Дерптского университета⁶⁸ по ка-

⁶³ Акад., т. XV, стр. 155, письмо 3 июня 1834 года. Ср. запись в дневнике Пушкина от 2 июня: «26 мая был я на пароходе и провожал Мещерских, отправляющихся в Италию» (Акад., т. XII, стр. 330), также письмо С. Н. Карамзиной к И. И. Дмитриеву от 25 мая 1834 года (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 439—440).

⁶⁴ 25 сентября 1835 года Пушкин, находившийся в Михайловском, писал жене: «Карамзина и Мещерские, слышал я, приехали. Не забудь сказать им сердечный поклон» (Акад., т. XVI, стр. 51).

⁶⁵ Письма С. Н. Карамзиной и Е. Н. Мещерской к Е. А. Карамзиной и другим родным из заграничного путешествия 1834—1835 годов хранятся в архиве Карамзиных (ЦГАЛИ, ф. 248, оп. 1, ед. хр. 59—60; все они еще не изданы). — Письма членов семьи Карамзиных и Е. Н. Мещерской к П. А. и В. Ф. Вяземским сохранились в Остафьевском архиве Вяземских — теперь в ЦГАЛИ, ф. 195. Они опубликованы — в отрывках, касающихся Пушкина, — в «Литературном наследстве», т. 58, стр. 40, 71, 81—82, 84—85, 88—89, 96, 113. — Отрывки из писем Карамзиных к И. И. Дмитриеву напечатаны в приложении к изданию «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», стр. 425—440; несколько других писем к Дмитриеву и отрывков из них, касающихся Пушкина, опубликовал А. Л. Бем в издании «Пушкин и его современники», вып. XXIX—XXX, 1918, стр. 28—33. Подлинники всех этих писем хранятся в Пушкинском доме (ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 144).

⁶⁶ Родился 24 октября 1814 года, умер 16 мая 1854 года.

⁶⁷ Родился 31 декабря 1815 года, умер 9 июля 1888 года.

⁶⁸ Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1889, стр. 223; № 3106 — Андрей, № 3107 — Александр Карамзины, оба под. 1832—1833 годом.

федре дипломатики. В 1833 году они оба окончили университет и вскоре поступили на военную службу в гвардейскую конную артиллерию — воинскую часть, достаточно аристократическую и вместе с тем, как все артиллерийские части, требовавшую от офицеров известной образованности и серьезности, выделявших их из общего гвардейского уровня.

Вскоре, однако, старший из братьев, Андрей, серьезно заболел: он был под угрозой чахотки. Весной 1836 года он был вынужден взять длительный заграничный отпуск и, выехав из Петербурга на пароходе, или, как тогда говорили, «пироскафе», 22 или 23 мая, отправился в путешествие. Он объездил — с лечебными, а более с увеселительными и отчасти образовательными целями — Германию, Швейцарию, Францию, Италию, жил подолгу в Эмсе, Бадене, Париже, Риме и вернулся в Россию лишь в середине октября 1837 года. Ко времени этого его странствия и относится обширная переписка его с родными.

Письма Андрея из-за границы, лишь частично опубликованные,⁶⁹ дают достаточно материала для суждения о нем. В них виден молодой человек с живым и острым наблюдательным умом, хорошо владеющий эпистолярным стилем, то лирическим, то проникнутым легкой иронией, точным, сжатым, вместе с тем живописным и выразительным. Недаром старшие друзья, почитатели памяти его отца, Жуковский, Тургенев, Вяземский, поднимали не раз вопрос о помещении его писем в пушкинском — а позднее в посмертном «Современнике». Письма не были напечатаны: мешал этому слишком интимный их тон, требовавший большой редакторской работы, а также, вероятно, проникающий их скептицизм — политический, философско-религиозный, моральный, главное — презрительный скептицизм и прямая насмешка по отношению к русской и международной аристократии, среди которой вращался Андрей Карамзин.

⁶⁹ Сохранилось в подлинниках 62 его письма, многие из которых представляют целые дневники; они написаны с 25 мая 1836 по 1 октября (ст. ст.) 1837 года. Подавляющее их большинство находится теперь в Центральном гос. архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ, ф. 248, оп. 1, ед. хр. 35—40); три целых письма и одно неполное, из относящихся к дуэли и смерти Пушкина, хранятся в Институте русской литературы (Пушкинском доме) Академии наук СССР (ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 36); они подарены сюда в 1926 году литератором Г. И. Гидони, случайно нашедшим и спасшим их от уничтожения; от него же остальные письма поступили в Централархив. — Первые 23 письма и 25-е (или, по очень путаной нумерации самого А. Н. Карамзина и его близких, №№ 1—25 и 27), а также последние два, 61-е и 62-е, до сих пор не изданы. Остальные — по нашему счету, №№ 24, 26—60 — напечатаны в сборниках «Старина и новизна», кн. XVII, М., 1914, стр. 234—322; кн. XX, М., 1916, стр. 57—170. Они охватывают время жизни Андрея Карамзина в Париже, путешествия его по Италии и пребывания в Бадене в 1837 году.

Он хорошо и тонко чувствовал природу — швейцарскую или итальянскую, он живо и глубоко, очень самостоятельно воспринимал искусство — и античное, и эпохи Возрождения, и современное, постоянно осматривая музеи и памятники. Письма из Рима интересны своими живыми описаниями, картинами римской жизни, суждениями об искусстве, упоминаниями о русских художниках и о встречах с Гоголем. Но наиболее содержательны парижские письма, охватывающие январь и февраль (н. ст.) 1837 года: они и более всего характеризуют Андрея Карамзина.

В Париже эпохи Июльской монархии самыми близкими кругами для молодого русского гвардейца, помимо представителей петербургской аристократии, находившихся там, оказались салоны и кружки Сен-Жерменского предместья, т. е. французские аристократы — католики и легитимисты; к королю-буржуа и его правительству Андрей Карамзин относится с неизменной иронией и осуждением: по его мнению, это — выскочки, и притом враждебные собственному народу, против которого в Лионе и других местах власти посылают войска. Непрестанные покушения на жизнь короля воспринимаются им весьма иронически и вызывают скорее удовольствие, что не мешает ему представляться в полной парадной форме Луи Филиппу и танцевать на бале в Тюильри. Он с интересом посещает, по рекомендации А. И. Тургенева, салоны г-жи Рекамье и г-жи Ансело, слушает там речи Шатобриана, Вилльмена, Балланша и других представителей оппозиции... Но передовые, демократические круги французского общества и новейшая французская литература остаются ему чуждыми. «Что же касается до литераторов, каковы Balzac et С^{nie} (Бальзак и прочие), — замечает он в одном из писем, — то их здесь (т. е. в аристократическом Сен-Жерменском предместье, — Н. И.) почти с собаками не отыщешь, их решительно не встретишь ни в одной гостиной; я до сих пор не видал ни одного человека, который бы знал Бальзака или кого-нибудь из них: они точно в такой же чести, как у нас Греч, Булгарин и пр.»⁷⁰ Этот резкий отзыв, отражающий взгляды парижских аристократических салонов, совпадает впрочем с критикой «светских» романов Бальзака, содержащейся в статьях Сент-Бева, а отчасти близок и взглядам Пушкина на творчество французского романиста.

В Париже застало Андрея Карамзина известие о дуэли и смерти Пушкина. Его отзывы на эти события, выраженные в ряде писем (выдержки из них приводятся в примечаниях), принадлежат к числу наиболее значительных среди высказываний современников. Они обнаруживают глубокое и замечатель-

⁷⁰ «Старина и новизна», кн. XVII, стр. 288.

ное в таком молодом человеке понимание общих, а не только частных и личных причин, приведших Пушкина к гибели; в них виден верный и беспристрастно-критический взгляд на главного виновника трагедии — русскую правящую аристократию, — и в этом мнения Карамзина замечательно совпадают с чувствами Лермонтова в «Смерти поэта». Но с презираемой им аристократией, с ее законами и предрассудками сам Карамзин не мог порвать так, как это сделал Лермонтов, и, осуждая светское общество, он не считал себя вправе осудить убийцу — Дантеса, который, по его мнению, вел себя согласно правилам чести: немного позднее Дантес сумел уверить мягкого и уступчивого Карамзина в своей невинности. В этом отношении Андрей Карамзин не расходился с такой типичной представительницей своего круга, какой была его сестра Софья Николаевна.

Вернувшись из путешествия, Андрей Карамзин продолжал военную службу в гвардии. В 1844 году он, подобно многим другим гвардейским офицерам, искавшим отвлечения от пустой и однообразной петербургской жизни, перевелся в Кавказскую армию, но пробыл там не долго: в одной из стычек с горцами он был ранен и контужен и, излечившись, вскоре вернулся в Петербург.⁷¹ Позднее, в 1846—1847 годах, он, оставаясь в Конной артиллерии, состоял адъютантом при шефе жандармов графе А. Ф. Орлове, сменившем в 1844 году на этом посту А. Х. Бенкендорфа. Нас не должна удивлять служба Карамзина у начальника III Отделения: она не противоречила ни строго монархическим традициям карамзинской семьи, ни взглядам того придворно-гвардейского круга, к которому он сам принадлежал, ни отношению к Орлову, как к человеку того же круга и ближайшему доверенному советнику Николая I. Адъютантство у Орлова еще не означало причастности Карамзина к тайной полиции; наконец, в назначении адъютантом к важному сановнику могла сказаться и перемена, происшедшая в это время в его личной жизни.

Дело в том, что в июле 1846 года Андрей Карамзин женился на Авроре Карловне Демидовой, рожд. Шернваль (1808—1902), известной красавице, овдовевшей после недолгого брака с одним из самых богатых людей в России — П. Н. Демидовым.

⁷¹ Несколько писем его к матери и сестрам из Владикавказа, где он лечился от ран в ноябре-декабре 1844 года, напечатано в сборнике «Старина и новизна», кн. XIX, Пгр., 1915, стр. 15—26; напечатанное там же под 1844 годом письмо его из Москвы относится, очевидно, к 1845 году — в нем говорится о его участии в «Симбирском торжестве», т. е. об открытии памятника Н. М. Карамзину в Симбирске, состоявшемся 23 августа 1845 года.

довым, потомком кузнеца петровских времен и владельцем огромных земель и уральских заводов, наследником которых стал его маленький сын, под опекой отчима — Андрея Карамзина.⁷² Женитьба дала последнему независимость и богатство. Зиму 1847—1848 годов, взяв отпуск, он с женой провел в Париже и был свидетелем Февральской революции. Письма его и Авроры Карловны к Карамзиным за эти месяцы опубликованы уже в наше время.⁷³ Они по тону, по взглядам и упоминаемым лицам являются как бы продолжением его писем 1837 года и представляют значительный интерес для изучения восприятия Февральской революции в кругу русской консервативно-дворянской интеллигенции.

Вскоре по возвращении из заграничного путешествия Карамзин вышел в отставку с чином гвардии полковника и жил несколько лет богатым барином, управляя землями и заводами Демидовых. К этим годам относятся два свидетельства, рисующие его как человека независимого образа мыслей и гуманного деятеля. В. Ф. Одоевский в своем дневнике («Текущая хроника и особые происшествия») записал под 19 февраля 1868 г.: «<Н. В.> Пугята напомнил мне..., что в 47/48 году, когда на одном из наших приятельских ужинов (у Жоржа) Андрей Ник.

⁷² См. об А. К. Карамзиной-Демидовой и о ее браке с Андреем Н. Карамзиным: Остафьевский архив, т. III, СПб., 1899, стр. 596—597; Пушкин. Письма. Под редакцией и с примечаниями Л. Б. Модзалевского, т. III, изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 540—541. Трагическая судьба А. К. Карамзиной поэтически изображена в поэме Г. В. Маслова «Аврора» (1920), напечатанной в 1922 году с вступительной статьей Ю. Н. Тынянова (Пб., изд. «Картонный домик»).

⁷³ Е. В. Петухов. Письма А. Н. Карамзина 1847—1848 гг. «Исторический сборник», т. 3, Изд. Академии наук СССР, Л., 1934, стр. 263—312; отдельное издание: Письма А. Н. Карамзина. 1847—1848. Материалы по истории Французской революции 1848 г. По документам Крымского центрального архивного управления. Изд. Академии наук СССР. Л.—М., 1935, 52 стр. «Оригиналы этих писем, на французском языке, сохранились в неполном виде в составе поступивших в 1928 году в Крымское центральное архивное управление отдельных частей домашнего архива Клейнмихелей из Кореиза (на южном берегу Крыма)», — сообщает Е. В. Петухов (стр. 266). В настоящее время эти письма Андрея и Авроры Карамзиных к Е. А. Карамзиной находятся в ЦГАЛИ (ф. 248, оп. 1, №№ 48 и 49). Другая часть корейского архива Клейнмихелей, куда входят письма Е. А. и С. Н. Карамзиных к Е. Н. Мецкерской (матери Е. П. Клейнмихель), хранится в Гос. Историческом архиве Крымской области в Симферополе (ф. 531, оп. 1, ед. хр. 12 и 14). Отрывки из писем С. Н. Карамзиной за 1838—1839 годы, содержащие сведения о Лермонтове, опубликованы Ф. Ф. Майским в указанной выше статье «М. Ю. Лермонтов и Карамзины» (наст. изд., примеч. 52). Эта публикация существенно дополняет сведения о семье Карамзиных и его окружении, содержащиеся в письмах к Андрею Карамзину. Но в письмах из корейского архива о Пушкине уже не говорится, — по крайней мере, в опубликованных Ф. Ф. Майским отрывках.

Карамзин провозгласил тост: „За здоровье несчастнейшего из людей: русского мужика“, то мы все весьма струхнули и последовало молчание». ⁷⁴ А еще через много лет Д. Н. Мамин-Сибиряк в очерке, посвященном демидовским заводам в Нижнем Тагиле, помянул и недолгого их распорядителя-опекуна:

«На госпитальной площади, влево от дороги, — описывает автор Нижний Тагил, — стоит довольно массивный, чугунный памятник Андрею Николаевичу Карамзину. . . На заводах о нем сохранилась самая лучшая память, как о человеке образованном и крайне гуманном, хотя он и являлся здесь случайным. Его пребывание на заводах является, кажется, лучшей страницей в их истории, по крайней мере старожилы вспоминают о нем с благоговением, что и понятно, если принять во внимание жестокие заводские порядки крепостного времени». ⁷⁵

Весной 1854 года, с началом военных действий на Дунае, Андрей Карамзин, под влиянием славянофильско-патриотических взглядов своего круга (следует напомнить о близости Карамзиных к А. С. Хомякову, Ф. И. Тютчеву, А. И. Кошелеву, Д. Н. и А. Д. Блудовым и пр.), вновь поступил на службу и получил назначение в один из гусарских полков Дунайской армии. На этот раз его военная карьера оказалась недолгой и для него губительной: 16 мая 1854 года, командуя кавалерийским отрядом, посланным в глубокий поиск, он был окружен близ местечка Каракала большими силами турок. Вопреки советам других офицеров, Карамзин принял неравный бой, когда еще можно было отступить и спастись, и был убит в отчаянной схватке. Вместе с ним погибло 19 офицеров и 139 солдат, были потеряны все орудия отряда. Виной катастрофы, по мнению авторитетных военных историков и большинства его современников, явилась неопытность в военном деле Андрея Карамзина и самоуверенность, воспитанная в нем гвардейской службой, — и только трагическая, геройская смерть избавила его от военного суда за поражение. ⁷⁶

Второй из братьев Карамзиных, Александр Николаевич, перу которого принадлежит ряд писем к Андрею 1836—1837 годов, обладает не столь яркой биографией, как Андрей, но пред-

⁷⁴ «Литературное наследство», кн. 22—24, 1935, стр. 241. Эпизод этот относится, вероятно, к 1848 году — после возвращения А. Н. Карамзина из-за границы; Жорж — ресторатор в Петербурге.

⁷⁵ Д. Мамин-Сибиряк. Платина. Очерк. «Северный вестник», 1891, № 10, отд. II, стр. 3.

⁷⁶ См.: Е. В. Тарле. Крымская война, т. I, изд. 2-е. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1950, стр. 512—516; П. Ф. Вистенгоф. А. Н. Карамзин в деле 16 мая 1854 года. «Русская старина», 1878, т. XXII, № 6, стр. 193—216. Приводимая в ряде источников дата гибели Карамзина — 23 мая — ошибочна.

ставляет по-своему очень характерную для 30-х годов фигуру. Его письма и немногие известные в печати литературные произведения дают достаточный материал для суждений.

Он воспитывался и рос вместе с братом Андреем в той же среде, в тех же карамзинских литературных и общественных традициях; вместе были они в университете и вместе, по окончании его, служили в гвардии. С раннего детства Александру Карамзину, по-видимому, прочили литературное будущее. Существует рассказ одного из близких к семье людей — помощника и секретаря историографа К. С. Сербиновича — о том, что восьми лет он сочинил сказочку, которую Жуковский напечатал отдельной маленькой брошюрой в три странички, снабдив ее шутивным предисловием и сохранив все особенности детского правописания.⁷⁷ Со второй половины 30-х годов он стал пытаться войти в большую литературу как поэт и с помощью друзей — Жуковского, Одоевского, Плетнева, позднее Краевского, — стал печататься в посмертном «Современнике» и в «Отечественных записках». К этому времени сложился его характер, многими чертами своеобразный и привлекательный и во всяком случае не заурядный. Перед нами скептик и отрицатель, критически настроенный ко всему, что его окружает: к военной службе, которую он от души презирает и высмеивает, к светскому обществу, над которым он охотно издевается, а иногда и негодует, к женщинам, с которыми он подчеркнуто небрежен и дерзок. Некоторые его литературные суждения и в особенности отзывы о произведениях Пушкина, обнаруженных после смерти поэта, обличают в нем тонкий и верный вкус и глубокое восприятие творчества погибшего поэта. Эти суждения займут по справедливости едва ли не первое место в ряду самых ранних и непосредственных откликов современников на неведомое до тех пор наследие Пушкина и заставляют нас внимательнее присмотреться к их автору.⁷⁸

⁷⁷ Н. М. Карамзин. Воспоминания К. С. Сербиновича. «Русская старина», 1874, т. XI, № 9, стр. 66. «Воспоминания» основаны на дневниках автора: запись о сказочке Александра Карамзина относится к февралю-марту 1824 года.

⁷⁸ Будучи молодым офицером Александр Карамзин посещал литературные вечера у Жуковского, в его квартире в Шепелевском дворце (составлявшем крыло Зимнего дворца, примыкающее к Эрмитажу). Один из таких вечеров, зимою 1834—1835 года, представлен на картине неизвестного художника, воспроизведенной в настоящем издании. Аннотацию к этой картине находим в деле Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда) «о чествовании Пушкина в 1880 году», среди «Документов к отчету о Пушкинской выставке» (в Петербурге), собранных В. П. Гаевским (ИРЛИ, 2750. XIVб. 69, л. 168 об. — 169). Здесь, в «Списке предметов, принадлежащих князю П. П. Вяземскому, предназначенных для выставки», под № XV значится: «Картина, изображающая

Автор же — прапорщик Александр Карамзин — человек лермонтовского поколения и склада, один из тех, кто дал Лермонтову материал для создания образа Печорина и для горьких, трагических размышлений в «Думе», — из тех, кто сформировался десятилетие спустя после поражения декабристов, в душевной и неподвижной атмосфере 30-х годов. Он мог бы, по своему умонастроению, войти в лермонтовский «кружок шестнадцати»; но он не мог бы пойти и далее большинства участников кружка, далеко отстававших от Лермонтова и для которых характерна аристократическая оппозиционность, отнюдь не касающаяся основ существующего строя — ни самодержавия, ни крепостничества.

Главное здесь заключается в том, что Александр Карамзин не обладал ни достаточно сильным творческим даром, ни активной независимостью мысли. Он был способен на очень хорошие и высокие порывы, на самостоятельные и смелые суждения — но в общем, вне этих отдельных порывов, шел пассивно за той средой, которую сам отрицал. Его стихотворения показывают вкус и способность легко версифицировать, а вместе с тем — недостаток самобытного дарования и следование давно сложившимся и уже устарелым традициям элегической школы 20-х годов, созданной учениками и эпигонами Пушкина. То же можно сказать о самом крупном его произведении — повести в стихах «Борис Ульин», напечатанной отдельной книжкой в 1839 году.⁷⁹ Влияние манеры Пушкина, в особенности «Евгения Онегина» с его лирическими отступлениями, обращениями к читателю, участием автора в судьбе героев, чувствуется здесь на всем протяжении рассказа. Герой его — бедный пехотный прапорщик, поэт и мечтатель, сирота без положения и состояния; он влюбляется в молодую княжну, бездушную светскую красавицу; но она, сначала занявшись им от деревенской скуки, вскоре покидает его и уезжает в столицу. Прапорщик отправляется на войну (это — польская кампания 1831 года) и там

субботнее вечернее соборание в зиму 1834 г. в кабинете Жуковского, в Зимнем дворце. — Слева: Жуковский и Плетнев; по другой стороне стола Кольцов; у дивана Гоголь; на диване Пушкин, кн. Одоевский и Крылов; на другой стороне дивана Перовский, разговаривающий с Мих. Ю. Вильгорским, стоящим у камина; налево от камина Ф. Ф. Вигель и Ал. Н. Карамзин». К этому описанию сделана помета: «Подарена В. А. Жуковским кн. П. А. Вяземскому».

⁷⁹ Борис Ульин. Повесть в стихах. Сочинение Александра Карамзина. СПб., печатано в типографии Карла Крайя, 1839, VIII, 83 стр. Повесть снабжена эпиграфом из стихотворения Е. А. Баратынского «Русская песня» («Он поет — никто не слышит Слов печальных») и посвящением «Далеким братьям», обращенным к товарищам по Дерптскому университету (а не по гвардейской службе!), которое является едва ли не лучшей частью всей книжки.

погибает, а княжна на петербургском бале, где «один из модных кавалеров» хочет ее подразнить дошедшим до него слухом о ее деревенском романе, встречается его намеки полным равнодушием.

Такова повесть Александра Карамзина. В ней чувствуется эпитонство и подражательность автора, но есть и живые штрихи, наблюдения и образы, есть правда в изображении психологии и отношений героев. Конечно, вся драма замкнута в сферу личных чувств и переживаний, а социальная тема не выходит за пределы довольно традиционной ситуации, ставшей к концу 30-х годов литературным штампом. Тем не менее в развитии русской реалистической поэзии послепушкинского времени повесть занимает не последнее место.

«Борис Ульин» был встречен преувеличенно-восторженной рецензией, помещенной в журнале «Отечественные записки», только что восстановленном новым редактором-издателем А. А. Краевским.⁸⁰ Ловкий литературный делец и карьерист, Краевский увидел в повести Александра Карамзина средство заслужить благоволение влиятельных друзей семьи молодого поэта: похвала «прекрасному имени» Карамзина открывает рецензию, в остальном довольно бессодержательную.

Рецензия вызвала суровую, полную сарказма отповедь Белинского, по отношению к Карамзину вряд ли справедливую.⁸¹ Но Белинский направлял ее не столько против повести и ее автора, сколько против Краевского и тех обломков «литературной аристократии», которым Краевский так беззастенчиво льстил. Критик писал о поэме Карамзина как о «жалком произведении, обличающем в авторе его образцовую бездарность» и, повторив стихи, «которые выписаны в рецензии „Отечественных записок“ как *отличнейшие*, тогда как в них смыслу нет», высказывал ироническое предположение, что рецензия в журнале Краевского «не похвала, а тонкая насмешка».

Рецензия была незаслуженно резка, но Белинский оказался прав в одном, самом основном: слабое дарование Александра Карамзина не дало ничего крупного, вскоре заглохло и осталось незамеченным среди начинавшихся литературных битв вокруг «натуральной школы». Его духовные силы выразились не в его поэзии, но в письмах к брату, посвященных дуэли и смерти

⁸⁰ «Отечественные записки», 1839, т. III, отд. VII, стр. 23—26.

⁸¹ В статье Белинского «Русские журналы» — «Московский наблюдатель», 1839, ч. II, № 4, отд. IV, стр. 129—130; В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. III, Изд. Академии наук СССР, М., 1953, стр. 186—187. Помимо рецензий «Отечественных записок» и Белинского в «Московском наблюдателе», отзывы на повесть Александра Карамзина дали также «Библиотека для чтения» (1839, т. 34, отд. VI, стр. 1—2) и «Сын отечества» (1839, т. VIII, отд. IV, стр. 82—83).

Пушкина, полных негодования и скорби, непримиримой ненависти к его убийце Дантесу и презрения к высшему обществу, по крайней мере к той его части, которая стала на сторону Дантеса. Потрясающее событие всколебало до самой глубины всё лучшее, что в иных современниках обычно бывало прикрыто «мертвящим упоением света».

Прослужив недолго в военной службе, Александр Карамзин вышел в отставку и, женившись на одной из княжен Оболенских, поселился в деревне, в тех самых Макателемах, крестьяне которых не раз безуспешно протестовали против крепостных поборов и в 20-е, и в 30-е годы. Он служил «по выборам» Сергачевским, Нижегородской губернии, уездным предводителем дворянства, занимался сельским хозяйством и умер на 73-м году. Сохранившаяся поздняя его фотография изображает старика-помещика с длинной седой бородой в полукрестьянской одежде и высоких сапогах.⁸²

Остается сказать о двух младших представителях семьи Карамзиных, упоминающихся и участвующих в публикуемых письмах.

Владимир Николаевич Карамзин⁸³ в 1836 году поступил на юридический факультет Петербургского университета; окончив его в 1839 году, он прошел довольно обычную чиновничью карьеру, участвовал в подготовке крестьянской и судебной реформ и к пятидесяти годам достиг звания сенатора (1868). Биограф его⁸⁴ дает ему такую своеобразную характеристику: «Отличаясь некоторой неприветливостью и неподатливостью в обращении, Карамзин не пользовался особым сочувствием общества, среди которого жил, но за этим недостатком внешней гибкости в нем скрывалась неизменная твердость в исполнении того, что он считал нравственным своим долгом». Эти свойства его характера возникают уже в сущности перед нами в письмах его родных и его собственных в пору его студенчества.

Наконец, о самой младшей из семьи Карамзиных — Елизавете Николаевне (Лизе; 1821—1891) — говорить почти не приходится. В 1836—1837 годах ей было всего 15—16 лет; ее письма к брату Андрею, написанные в это время, показывают совершенную незрелость и ограниченность интересов; она по-

⁸² Сообщения о его смерти в «Московских ведомостях» (1888, № 198, 19 июля) и в «Новом времени» (1888, № 4456, 26 июля). См. также заметку о нем и его жене Наталье Васильевне (рожд. кн. Оболенской), по случаю ее смерти, в «Московских ведомостях» (1893, № 32, 1 февраля) — «Памяти Карамзиных».

⁸³ Родился 5 июня 1819 года, умер 7 августа 1879 года.

⁸⁴ «Русский биографический словарь», т. Ибак—Ключарев, СПб., 1897, стр. 499—500.

еще бала и вечера только для подростков и никакого участия в общественной жизни семьи не принимала. Назначенная в 1839 году фрейлиной к императрице, она, так и не выйдя замуж, сохранила это звание до конца жизни.

6

Такова вся эта семья, объединенная именем и памятью прославленного писателя-историографа. Она представляет собой один из интереснейших центров общественно-литературной жизни Петербурга и отмечена непосредственной, дружественной близостью к Пушкину и к его окружению. С этой последней стороны семья Карамзиных и представляет для нас особый интерес; мы вправе рассматривать чисто семейные, казалось бы, письма к путешествующему сыну и брату, где так много и так интимно говорится о Пушкине, как один из важнейших документов для истории последних месяцев жизни, дуэли и смерти поэта.

Близость Карамзиных к Пушкину, к его семье, ко всем участникам возникающей и развивающейся драмы, приведшей через несколько месяцев к роковой дуэли, чувствуется с первых же страниц публикуемых ниже писем. В письме от 26 мая 1836 года, первом после отъезда Андрея Карамзина за границу, упоминается о верховой прогулке Софьи Карамзиной с Гончаровыми — Александрой и Екатериной, сестрами Н. Н. Пушкиной и свояченицами поэта. Правда, имя самого Пушкина появляется лишь два месяца спустя — в письме Е. А. и С. Н. Карамзиных от 24 июля в связи с получением второго номера пушкинского «Современника», вызвавшего неодобрительное замечание Софьи Николаевны о «беззаботности и лениности» Пушкина-издателя. Но объяснить это можно тем, что уже в начале июня (числа около 8-го) Карамзины переехали на дачу в Царское Село, Пушкины же оставались в Петербурге и провели лето на Каменном острове, так что непосредственные сношения их прервались. Нельзя, однако, сомневаться, что на праздновании (2 июня) дня рождения Павла Вяземского, племянника Екатерины Андреевны, где Гоголь читал свою новую, написанную еще вчерне, комедию «Женитьба», присутствовал и Пушкин; об этом чтении (до сих пор не бывшем известным в гоголевской литературе) мы узнаем из письма С. Н. Карамзиной от 5 июня.

С первого же письма появляется и имя Дантеса — близкого приятеля братьев Карамзиных, постоянного посетителя карамзинской гостиной, любимого всей семьей за живость, веселость и остроумие. Так — интимно и запросто — входят в эту семей-

ную переписку все участники будущей драмы: великий поэт — и ничтожный искатель счастья, а между ними жена поэта — одна из первых, прославленных красавиц петербургского большого света; далее друзья Пушкина — Жуковский, Вяземский, Тургенев, Одоевский, весь ближайший круг пушкинского «Современника», за ними весь придворный, светский, гвардейский, дипломатический Петербург, — и наконец, сам, возглавляющий двор, и гвардию, и правящую аристократию, Николай I.

Здесь, в этих семейных письмах, Пушкин предстает перед нами как старинный друг дома, связанный с семейством Карамзиных двадцатью годами порою сложных, но всегда искренних и сердечных отношений, памятью историографа, дружбой с «князем Петром» (Вяземским), особой, почтительной и нежной привязанностью к Екатерине Андреевне; он — один из главных и постоянных участников карамзинского салона и вместе с тем свой, домашний человек, стоящий вне стеснительных законов света. На исключительную близость двух семейств — Пушкиных и Карамзиных — указывают и их постоянное, чуть ли не ежедневное общение — и такой мелкий, но характерный факт, как бесцеремонные, даже с светской точки зрения, дерзкие ночные поездки Александра Карамзина и его друзей на каменно-островскую дачу Пушкиных. . .

Эта исключительная, так сказать, домашняя близость Пушкина и Карамзиных является одной из причин того, что суждения о поэте и о его предсмертной трагедии, складывавшиеся в карамзинском семействе — суждения не только Софьи, но даже и гораздо более глубокого и пронизательного Александра, — оказываются близорукими и лишенными перспективы, т. е. способности охватить и понять в его целом такое огромное явление, как Пушкин, понять и всю глубину, все значение его трагедии. Основной причиной здесь была, конечно, общая ограниченность воззрений, карамзинские традиции, свойственные семье, тот «великосветский» взгляд на людей, на общественные отношения и на литературу, который отмечал И. И. Панаев. Но если даже таких литературных друзей Пушкина, как Вяземский и Жуковский, дружеские отношения с поэтом заставляли видеть на первом плане развивающейся драмы чисто личные ее моменты, а ограниченность общих воззрений не позволяла им понять глубокого общественного ее смысла, то тем более это было естественно для Карамзиных. Более широкая и верная перспектива в суждениях о Пушкине, более глубокий взгляд на него стали для них возможны только с момента трагической развязки — после дуэли и смерти поэта. С другой же стороны, в особой, ни с чем не сравнимой непосредственности и интимности писем заключается, пожалуй, их главная ценность: вся

обстановка и весь трагический ход событий раскрываются перед нами, так сказать, изнутри, в живых и мимолетных впечатлениях; а мы теперь можем эти впечатления и дополнить, и обобщить, и истолковать, исходя из наших современных знаний и воззрений.

Предсмертная драма Пушкина является в письмах Карамзиных как драма личная прежде всего, и даже — по крайней мере сначала — не драма, а весьма обычная в свете истории между мужем, женой и влюбленным в жену молодым человеком. Именно с этой стороны внимательно интересуется всем происходящим такая любительница светских сплетен и «отношений» («отношений» как в прямом, так и в переносном смысле, принято в семье Карамзиных), как Софья Николаевна. Жена поэта возбуждает в ней пристальный и чуть-чуть иронический интерес как предмет ухаживаний и влюбленности общего любимца, французского эмигранта и кавалергардского офицера барона Жоржа Д'Антеса (или, как чаще принято писать, Дантеса); интерес же к Дантесу усугубляется тем, что как раз недавно (в мае 1836 года) состоялось усыновление его — при живых родителях — голландским посланником бароном Геккерном... Но ведь как личную, семейную драму расценивал гибель Пушкина и крупнейший исследователь П. Е. Щеголев в первом, предреволюционном издании своего во многих отношениях классического труда «Дуэль и смерть Пушкина» (1916).

Начиная с осени 1836 года, письма Карамзиных (в особенности Софьи Николаевны) дают последовательную, хотя и не полную хронику развития отношений между Пушкиными и Дантесом.

Описывая празднование своих именин, 17 сентября, в Царском Селе (в письме № 12), Софья Николаевна отмечает и блестящую внешность Натальи Николаевны Пушкиной и ее сестер, и грустное, озабоченное, задумчивое лицо Пушкина, который, пишет она, «своей тоской и на меня тоску наводит». Поэт «с вызывающим тревогой вниманием» наблюдает за женой и Дантесом, «который продолжает всё те же штуки, что и прежде». Влюбленность Дантеса в жену Пушкина — дело давно известное и едва ли, по мнению Софьи Николаевны, достойное такой тревоги со стороны поэта. «Боже мой, как всё это глупо!» — замечает она. Важным для нас — и подтверждающим уже известные намеки и предположения — является то, что Дантес, по словам С. Н. Карамзиной, «не отходит ни на шаг от Екатерины Гончаровой», маскируя этим свою влюбленность в ее сестру. Никаких причин для тревоги Софья Николаевна во всем этом не видит.

С возвращением Карамзиных в Петербург 14 октября (ст. ст.) возобновляются обычные приемы, где бывают в числе других «неизбежные» Пушкины и Гончаровы: «с первого же дня» в их гостиной «заняли свои привычные места Натали Пушкина и Дантес, Екатерина Гончарова рядом с Александром,⁸⁵ Александрина — с Аркадием...» (письмо № 15).

Александр Карамзин каждую субботу завтракает у Н. Н. Пушкиной, «сопровождая это кучей любезностей». Об этом он сообщает брату в письме 5—6 ноября. Но ведь 4 ноября — накануне — был разослан многим друзьям Пушкина, в том числе и Карамзиным, оскорбительный анонимный пасквиль, послуживший поводом к первому вызову Пушкиным Дантеса на дуэль, которая, как известно, не состоялась.⁸⁶ Вызов был послан 5 ноября, в четверг, в день, когда Александр Карамзин начал писать свое письмо, а суббота, когда он собирался завтракать у Н. Н. Пушкиной, приходилась на 7-е. Нас не может не удивить такое соотношение дат. Объясняется же оно, вероятно, тем, что анонимный пасквиль не был известен Александру Карамзину (о нем могли знать только Екатерина Андреевна и Софья Николаевна), а вызов и все дальнейшие переговоры, вплоть до момента, когда возможность дуэли была устранена, держались их немногочисленными участниками и заинтересованными лицами в глубокой тайне.⁸⁷

Соблюдение тайны считалось всеми столь необходимым, что в письмах Карамзиных — Екатерины Андреевны, Софьи Ни-

⁸⁵ Очевидно, Карамзиным, так как Софья Николаевна никогда в своих письмах не называет Пушкина «Александром».

⁸⁶ О том, что Карамзины были в числе тех друзей Пушкина, кто получил 4 ноября 1836 года анонимный пасквиль, сообщает Н. М. Смирнов («Русский архив», 1882, кн. I, № 2, стр. 234, примечание). Следует напомнить, что Смирнов, вместе со своей женой Александрой Осиповой, был в это время за границей и мог получить эти сведения лишь позднее и из вторых рук; но сам по себе этот факт представляется вполне вероятным — письма с «дипломом» рассылались наиболее близким Пушкину людям, в числе которых были, конечно, и Карамзины.

⁸⁷ В переговорах — по крайней мере в самом начале их — участвовал, по-видимому, Клементий Россет, брат ближайшего друга братьев Карамзиных Аркадия Россета. К. О. Россет был приглашен Пушкиным в качестве секунданта, но после отказа от этих обязанностей и был заменен В. А. Соллогубом. Участие К. О. Россета в ноябрьских переговорах подтверждается тем, что, по словам Е. А. и С. Н. Карамзиных (письмо № 20), Аркадий Россет писал Андрею о «письме» или «письмах», т. е. о переговорах между Пушкиным и обоими Геккернами после получения анонимного пасквиля, а также о предстоящей свадьбе Дантеса. Письмо это не могло быть написано раньше 17 ноября. Впрочем, обстоятельство ноябрьских переговоров остаются во многом неясными, и П. Е. Щеголев приводит ряд веских данных, противоречащих участию в них К. О. Россета до приглашения В. А. Соллогуба (Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. Изд. 3-е, ГИЗ, М.—Л., 1928, стр. 75—76).

колаевны, Александра — нет вообще ни слова ни о пасквиле, ни о вызове Пушкина. Лишь в письме от 20 ноября Екатерина Андреевна и Софья Николаевна сообщили Андрею о только что объявленной (17 ноября, на балу у Салтыковых) «невероятной» свадьбе Дантеса с Екатериной Гончаровой. Впечатление от этих сообщений такое, что, по-видимому, для самих Карамзиных свадьба явилась неожиданностью, хотя ее объявлению предшествовали длительные переговоры, в которых участвовали Жуковский, Е. И. Загряжская и оба секунданта — В. А. Соллогуб и Д'Аршиак. О несостоявшейся дуэли и в этом письме, однако, не говорится ни слова: опасаясь перлюстрации и не желая вредить Пушкину, Карамзины не хотят о ней писать, предоставляя это сделать Аркадию Россету.

В следующих письмах Софьи Николаевны, декабрьских и январских, неоднократно идет речь о свадьбе Дантеса. Подробный рассказ в письме от 30 декабря об отношениях между Пушкиным, его женой, Дантесом и Е. Н. Гончаровой, написанный за две недели до свадьбы последних, особенно ярко показывает полное непонимание ею — женщиной, близкой и дружески настроенной к Пушкину, — глубокой драмы, переживаемой поэтом на ее глазах. Но это непонимание отражает мнение того высшего общества, к которому она принадлежала и в глазах которого поведение Дантеса было благородно и всецело оправдано, а поведение Пушкина — непонятно, бессмысленно и смешно. Такого взгляда Софья Николаевна продолжала держаться, еще не в силах подняться выше него, вплоть до дуэли Пушкина — и только трагическая развязка заставила ее пересмотреть свое отношение к происшедшим событиям и, с запоздалой горестью, заново их переувчувствовать и понять.

Характерно, что Пушкин, скрывая очень многое от Софьи Николаевны (чем отчасти объясняется ее непонимание), в то время рассказывал «темные» подробности этой «таинственной истории» ее сводной сестре Е. Н. Мещерской, недавно — в первых числах декабря — вернувшейся в Петербург из деревни. Не любившая «света», серьезная и сердечная Екатерина Николаевна лучше своей сестры могла понять положение и чувства поэта.

Особенно ярко сказалось легкое и поверхностное восприятие событий со стороны Софьи Николаевны в описании свадьбы Дантеса (письмо № 25), на которой ей не пришлось присутствовать из-за столкновения с Е. И. Загряжской: С. Н. Карамзина более всего взволнована именно тем, что она не смогла сама видеть этот интересный спектакль, «заключительную сцену эпизода» «таинственной драмы», а ненаблюдательный брат не в состоянии удовлетворить ее любопытству! Если так относи-

лись к событиям люди, близкие Пушкину и которые, несомненно, любили и уважали его, то что можно сказать о других, о светской черни, о друзьях голландского посольства и товарищах Дантеса по полку вроде А. В. Трубецкого! Почти столь же легкое отношение к свадьбе Дантеса высказывает и Александр Карамзин (письмо № 26), считая ее (как, впрочем, и все окружавшие Пушкина) завершением «романа à la Balzac», закончившегося традиционной свадьбой «к большой досаде петербургских сплетников и сплетниц».

Впрочем, поведение Пушкина после свадьбы Дантеса было непонятно и для самых близких к нему, самых проникательных людей, даже для П. А. Вяземского, который, как пишет С. Н. Карамзина (письмо № 27), «закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных».

Письмо Софьи Николаевны, где «так легко» («si légèrement») говорилось о переживаниях Пушкина, написано было (как она горестно констатировала в следующем письме) в тот самый день — в среду, 27 января — и даже в тот самый час, когда на Черной речке завершалась так трагически-непоправимо история многомесячных, вернее — многолетних страданий Пушкина. В тот же вечер Карамзины, Мещерские, Вяземские узнали о происшедшей дуэли и о тяжелом ранении Пушкина.⁸⁸ Кто из Карамзиных явился первый к умирающему поэту — сказать трудно; но на другой день, в четверг 28 января, около 11 часов утра⁸⁹ он призвал к себе Екатерину Андреевну для последнего прощания и благословения, и тут она «имела горькую сладость проститься с ним». Краткое письмо ее с рассказом об этом последнем свидании, написанное на другой день после смерти Пушкина, 30 января, и в отличие от всех других писем — по-русски, производит именно своей сжатостью и простотой потрясающее впечатление: это, без сомнения, один из самых значительных документов, посвященных смерти поэта; в нем вместе с тем отразился целиком ум и сердце Е. А. Карамзиной — одной из замечательнейших русских женщин того времени.

Смерть Пушкина громовым ударом поразила близких к нему людей, заставив мгновенно передумать, переувидеть, переоценить предшествовавшие события. Эта переоценка, соединен-

⁸⁸ Рассказ об этом — в письме А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой, датированном «1837. Генваря 28. 9 час. утра» (Пушкин и его современники, вып. VI, 1908, стр. 48).

⁸⁹ Час устанавливается на основании письма А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову, написанного 28 января в квартире Пушкина, где события последовательно отмечаются по часам. См.: Пушкин и его современники, вып. VI, стр. 53, где напечатано как письмо к неизвестному и с ошибочной датировкой «29 января» вместо «28» (в подлиннике письмо не датировано).

ная с горьким сознанием своей вины перед погибшим поэтом, вины, состоящей в недопонимании всего происходящего, в поверхностной и даже легкомысленной его оценке, проходит через ряд февральских писем Софьи Николаевны. Значительных новых фактов ее письма (так же, как и письма Екатерины Андреевны) почти не заключают; но в них важны не факты, а резко изменившаяся оценка всего происшедшего. Из фактов отметим то, что в письме С. Н. Карамзиной от 30 января содержится новое подтверждение датировки последнего письма Пушкина к Луи Геккерну, решившего вопрос о дуэли: не 26 января, как помечено на копии, находящейся в военно-судном деле о дуэли, и как вследствие этого датируется это письмо во всех современных изданиях сочинений Пушкина, включая большое Академическое и последний десяти томик,⁹⁰ — но 25 января, как уже более тридцати лет назад указывал Б. В. Казанский⁹¹ и как оно должно быть по расчету времени, нужного для всего хода событий перед дуэлью. Это существенно для истории последних дней жизни Пушкина.

Замечательно и то, что пишет С. Н. Карамзина (в письме № 30) о всенародном горе, горе «никому не известных людей» по народном поэте: мы и раньше имели ряд подобных свидетельств, но рассказы ее особенно ценны своей непосредственностью и яркой конкретностью впечатлений, полученных через Жуковского и Россета. И признание ее, что существует два общества: «наше», враждебное Пушкину, где защищают Дантеса, и другое, «второе», где оплакивают поэта и возмущаются его убийцей, — это одно из существеннейших проявлений той переоценки, о которой говорилось выше.

Впрочем, одного пункта переоценка не коснулась — или почти не коснулась: в глазах Софьи Николаевны Дантес остается лично незапятнанным и достойным если не оправдания, то сочувствия. В этом суждении она решительно разошлась с братом Александром, письмо которого (№ 35), написанное в результате зрелых размышлений, через полтора месяца после дуэли, полно негодования против убийцы Пушкина, которому, по убеждению Александра, Андрей при встрече не должен подавать руку, и против той части общества, которая группируется

⁹⁰ Акад., т. XVI, стр. 221—222; Полн. собр. соч. в десяти томах, т. X, изд. 2-е, 1958, стр. 620—621.

⁹¹ В статье «Гибель Пушкина» («Звезда», 1928, № 1, стр. 106), где, впрочем, дата «25.1.37» приводится без доказательств, как совершенно несомненная для автора. Подробную аргументацию датировки 25-м, а не 26 января Б. В. Казанский дал в другой, более поздней работе: Письмо Пушкина Геккерну. «Звенья», т. VI, изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 77—81.

вокруг влиятельной представительницы международной реакции, графини Нессельроде, и держит себя враждебно по отношению к Пушкину, ненавидя самую память поэта.

Письмо Александра Карамзина, о котором идет речь, представляет один из ценнейших документов о дуэли Пушкина наряду с письмами и записями Вяземского, Тургенева, Жуковского, В. Ф. Вяземской, Е. Н. Мещерской и других и с письмами Е. А. и С. Н. Карамзиных, о которых уже говорилось. Но и Александр Карамзин и тем более его мать и сестра многого не знают, не могут понять или не договаривают, считают «темным» или не подлежащим разъяснению и обсуждению. Мы знаем теперь, о чем умалчивали современники: речь идет об участии Николая I и его ближайших слуг — Бенкендорфа, Уварова, Нессельроде — в преследовании Пушкина, о роли царя в преддуэльной истории, как возможного соперника Пушкина, прозрачно указанного в анонимном пасквиле. Обо всем этом не только современники не могли позволить себе намекнуть, но не догадывались и дореволюционные историки: только в советское время была раскрыта, насколько это возможно через сто лет и при отнюдь не случайном отсутствии прямых документальных данных, политическая подоплека трагической гибели Пушкина.

После замечательного письма Александра Карамзина от 13 марта упоминания о Пушкине и его противнике становятся всё реже. Жизнь быстро входит в обычную колею балов, приемов, обедов и праздников. В письме от 29 марта С. Н. Карамзина вспомнила о Дантесе по поводу приговора над ним военного суда — но с тем, чтобы рекомендовать Андрею быть с ним «великодушным и деликатным». Тем не менее сообщение Андрея о дирижировании Дантесом мазурки «с кавалергардскими ухватками» горестно поразило и заставило «содрогнуться» всю семью, в том числе и Софью Николаевну: «Бедный, бедный Пушкин! Не глупо ли было жертвовать своей прекрасной жизнью! И для чего!» (письмо № 46). Драма Пушкина продолжает оставаться для С. Н. Карамзиной личной и семейной — не так, как для ее братьев. Но поведение Дантеса и ее заставляет изменить мнение о нем. Это — последнее упоминание о Пушкине в предпоследнем из писем Карамзиных.

Наш обзор содержания писем очень сжат и очень неполон. Но и из него можно видеть, какой ценный, своеобразный, разносторонний и насыщенный фактами материал о последних месяцах жизни Пушкина мы имеем в них. Дело не столько в новых данных, до сих пор неизвестных: таких данных в письмах Карамзиных немного и они не меняют наших концепций, а лишь подтверждают и укрепляют их. При этом наряду с верными, тонкими, интересными фактами и наблюдениями есть в письмах

утверждения ошибочные, иные — поверхностные или односторонние. Это — в порядке вещей. Важно иное: замечательна в этих документах непосредственность и живость наблюдений и переживаний, всё то, что словно приближает к нам людей и события этих лет, делает нас современниками, свидетелями, почти участниками мучительной и долгой драмы, приведшей к гибели Пушкина, показывает нам вблизи, без покровов и масок, ту общественную обстановку, в которой жил в последние годы поэт, те страшные тиски, из которых вырваться он сделал отчаянную попытку, хотя бы путем смертельного поединка.

Письма Карамзиных — это памятник минувшей эпохи, свидетельство об одном из самых трагических моментов истории русской культуры; это — документальный материал высокого исторического значения и вместе с тем это — своего рода художественное произведение, свидетельствующее о тонкой и своеобразной культуре его авторов, носящее яркую печать эпохи, исторических условий, общественного круга, к которым они принадлежали и в которых сложились их индивидуальности.

Публикация семейных писем Карамзиных дает каждому исследователю Пушкина и всем тем, кто любит его и ценит его память, т. е. огромным массам советских людей, а также друзей русской культуры во всем мире, материал такой ценности, какого давно не было в наших руках и равных которому мы знаем немного.

В этом — великое значение писем, оставленных нам членами семейства Карамзиных.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПУШКИН
в письмах
КАРАМЗИНЫХ
1836-1837
годов

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1960